

О. В. Мартышин¹**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В СИСТЕМЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Тема XV Международных Лихачевских научных чтений является достаточно острой и актуальной. Под глобальными вызовами можно понимать не только изменение климата на планете или международный терроризм, но и определенные явления в межгосударственных отношениях. Сама постановка вопроса предполагает конфликт национального, государственного, и внешнего, которое действует если не постоянно, то настолько часто, что его следует признать нормальным явлением. В основе любого конфликта такого рода лежит несовпадение интересов, а его идеологическое оформление выглядит как коллизия нравственных ценностей.

В последние годы праведы уделяют аксиологии больше внимания в связи с введением в юридическое образование философии права. Этот предмет неслучайно иногда называют наукой о ценностях. Отталкиваясь от этики, философия права концентрируется на ценностях, имеющих отношение к государству и праву, рассматривает преломление универсальных нравственных принципов в этой особой области. Национальный интерес, безусловно, принадлежит к числу ценностей, теснейшим образом связанных с государством и правом.

Этические ценности пребывают в многоплановых и противоречивых связях друг с другом. Коллизии — неизбежное свойство любой системы ценностей, а разрешение коллизий предполагает признание иерархии ценностей, хотя она может быть не абсолютной, а устанавливаемой применительно к конкретному случаю. Национальному (государственному) интересу часто противостоят права (и законные интересы) человека, с одной стороны, и интересы мирового сообщества — с другой.

Споры по поводу путей решения коллизий между этими ценностями не затихают. Чтобы не сводить их к частным, конкретным случаям, где предметом спора служат факты, подтверждающие правоту или неправоту каждой из сторон (все реальные конфликты именно таковы), обратимся к идеальной модели коллизии, которая предполагает добросовестность сторон, то есть справедливость, обоснованность их взаимных притязаний. Только в этом случае проблема будет решаться не на основе практических интересов, которых участники конфликта стремятся добиться любыми средства-

ми, апеллируя к справедливости лишь в демагогических целях, как это сплошь и рядом бывает в реальной жизни, а исходя из нравственных ценностей.

В том, что касается противоречия между правами человека и интересами государства, в современной российской юридической литературе популярен тезис о приоритете прав человека. Ссылаются на ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом забывают о ч. 3 ст. 55, устанавливающей основания ограничения федеральным законом прав и свобод человека. Все они (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны и безопасности страны) связаны с государственными или национальными интересами.

Идея «приоритета прав человека» подрывает вечный принцип общественной жизни. Аристотель сформулировал его так: целое всегда предшествует части. Иными словами, целое важнее, целое — это общее благо, представляющее от древности до наших дней важнейший компонент справедливости. Такая постановка вопроса вовсе не предполагает нарушения прав человека. Речь идет об отрицании не либерализма, а его эксцессов. Классическому либерализму чужда идея приоритета прав личности. Они всегда соизмерялись с интересами государства. Так рассуждал один из первых идеологов неотчуждаемых прав человека — Джон Локк. Монтескье видел движущий принцип демократии в политической добродетели, понимаемой как готовность принести свои интересы в жертву интересам общества. Подлинный либерализм предполагает необходимость ограничения прав и свобод личности в определенных случаях. Они перечислены во Всеобщей декларации прав человека. Положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ соответствуют этому документу.

Не менее сложен второй конфликт — между национальными и глобальными интересами. Можно ли уподобить его коллизии частных и государственных интересов, представив национальное как часть, а глобальное как целое? Такое сравнение было бы убедительным только в том случае, если бы глобальная система представляла собой единство, своего рода мировое государство, но оно остается утопией.

Различия между двумя конфликтами бросаются в глаза. В антитезе «национальное–глобальное» частные интересы в строгом смысле слова отсутствуют, здесь обе противоположности представляют собой носителей публичных интересов.

Глобализация — противоречивый процесс. В нем есть элементы прогресса, объединения усилий всех стран во имя общих целей, но есть и элементы неравенства, экспансии сильнейших стран Запада, осуществляемой путем давления, а подчас — и прямого насилия. Негативный аспект глобализации представляет собой современные формы империализма. В таких условиях речь не может идти о столкновении глобальных

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

общечеловеческих и национальных интересов, потому что за всеобщий интерес выдается позиция определенной группы стран. Сопrotивление национальных государств, становящихся объектом давления или насилия, неизбежно. Модель «целое—часть» в данном случае неприемлема из-за отсутствия органического целого. Индивидуальное самопожертвование всегда воспринималось как высшая форма нравственности. Национальное самопожертвование представляется абсурдным.

В рамках государства приоритет общего над частным обеспечивается законами, реализуемыми государственной властью. Юридические гарантии подкрепляются авторитетом нравственных принципов.

В международных отношениях иная степень единства и организованности в сравнении с государством, иные формы связи частного и общего, национального и глобального. Здесь первичным звеном системы является не гражданин, обязанный подчиняться законам, а суверенное государство. Здесь глобальные цели рассматриваются с точки зрения национальных интересов и корректируются в соответствии с ними. Здесь нет бесспорного высшего арбитра, наделенного властными полномочиями. Применение международных санкций предполагает определенный консенсус между государствами, что, как правило, делает меры принуждения проблематичными. Система международных отношений не знает ни юридических, ни нравственных оснований для следования принципу «Целое всегда предшествует части». Национальный интерес и на международной арене предстает в качестве цели и функции государства.

Средства, применяемые мировым сообществом для того, чтобы не допустить подмены законного национального интереса национальным эгоизмом, не столь надежны, как полицейские меры государства. Прежде всего это требование соблюдения норм международного права с оговоркой, что санкции за их нарушение не всегда неотвратимы и зависят от многих обстоятельств. Другое средство — разумное ограничение национальных интересов. Оно осуществляется посредством внешнего давления, но намного ценнее нравственное самообуздание.

Преследование национальных интересов не должно превращаться в воинствующий, слепой национализм. Проявления националистической ограниченности многообразны. Это вражда к другим народам, шовинизм и агрессивность. Это и идея национальной и культурно-исторической исключительности и превосходства над другими народами, замыкание в кругу национальной истории, внедрение обскурантизма под флагом консерватизма, нетерпимость к критиче-

ской оценке прошлого и настоящего состояния страны. Это и превращение нации в фетишизированный объект лояльности, отрицание социальных противоречий, отождествление государства с этической общностью.

При советской власти национализм в нашей стране рассматривался как зло, пережиток капитализма. Ему противопоставлялись идеи дружбы народов и пролетарского интернационализма, что не мешало последнему служить формой утверждения национальных интересов СССР как великой державы, а затем и сверхдержавы. Раскол мира на два лагеря способствовал некоторому ослаблению национализма. Крушение «социалистического содружества», распад СССР привели к бурному возрождению национализма как на Западе, так и на Востоке. Национализм превращается в государственную идеологию. Лозунг или требование изживания, преодоления национализма, характерный для марксистской коммунистической идеологии, представляется ныне нереальным. Но задача дифференцированного отношения к национализму, избавления от его отрицательных свойств актуальна как никогда. «Пролетарский интернационализм» должен быть заменен новой формой интернационализма, не исключающей, а дополняющей и облагораживающей нормальные, непатологические проявления национализма. Международное право служит испытанной формой утверждения такого рода национализма.

Таков идеальный план соотношения национальных интересов с глобальными вызовами и целями. Что же касается действительности, то, несмотря на важные достижения в современном мироустройстве, связанные с деятельностью ООН и других международных организаций, она все еще далека от идиллии. В прошлом году вышел сборник статей, речей и писем А. И. Деникина. Кадровый военный, которого революция вовлекла в политическую борьбу, с наивным изумлением открывал для себя вечные законы политики. Вот что он обнаружил: «Кровавый оскал войны глядит со всех сторон — более страшный, чем когда бы то ни было... Причины — глубокие, органические — в кризисе общечеловеческой морали, во вседозволенности средств для торжества национальной или социальной идеи и в утрате всякого доверия к договорам — клочкам бумаги. Обман в общественных взаимоотношениях считается преступлением, в государственных становится часто методом внутренней политики, а в международных — оружием внешней политики». Много ли изменилось с тех пор? И это свидетельствует о необходимости и трудности защиты подлинных государственных интересов.